

Воспоминания о муже

Т.П. Никитина

ГИАЦИНТ

Так получилось, что в двух встречах коллег и друзей-математиков, посвященных памяти Якова Юрьевича Никитина, 27 июня и 27 октября 2020 года, дважды был упомянут гиацинт как особый талисман нашей семьи. Это очень давний момент нашей истории, ставший лейтмотивом нашей любви и той счастливой семейной жизни, которая длилась пятьдесят с лишним лет, поэтому я с волнением и трепетом касаюсь тех струн души, на которых звучала эта мелодия...

Мы с Яшей познакомились 7 марта 1969 года, но совсем не в знаменитом коридоре здания Двенадцати Коллегий, как можно было бы предположить, а на вечере филологического факультета, посвященном 8 марта. Сейчас трудно себе представить, чтобы студенты, аспиранты и преподаватели филологического факультета пошли стройными рядами на мероприятие под названием «Ситцевый бал» в какой-то Дом культуры! Но в те времена это не казалось таким нелепым поступком, потому что помимо торжественной части ожидался концерт силами студентов филфака, что было всегда интересно, и, конечно, танцы... Для студенток филфака это был самый привлекательный раздел программы, поскольку наш факультет всегда слыл факультетом невест. Но где же встретить женихов, как не на танцах?

На заседании кафедры романской филологии, состоявшемся незадолго до 8 марта, секретарь парторганизации факультета с юношеским задором пригласила всех преподавателей и аспирантов на «Ситцевый бал». Я была тогда на 1 курсе аспирантуры и прекрасно могла выкроить вечерок, тем более, что нашлось и заинтересованное лицо – молодой преподаватель, посещавший, как и я, семинары по философии. Повидимому, он ухаживал за мной, но, как теперь говорят, ненавязчиво. Как бы то ни было, я пришла на вечер не одна. Если мне память не изменяет, вечер проходил в ДК на Косой линии.

Как мог оказаться на филфаковском вечере Яша Никитин? Дело в том, что в те времена группа матлингвистов изучала в обязательном порядке теорию вероятностей, и мат-мех посылал туда, разумеется, не маститых преподавателей, а скорее молодых и неопытных, знаний которых, однако, вполне хватало для не искушенных в математике филфаковских девушек. Яша начал работать преподавателем в 21 год, сразу по окончании университета, так что немудрено, что именно его и направили работать на филфак. Неудивительно и то, что блестящий молодой человек, красавец и умница, эрудит и интеллигент не в первом

поколении, быстро завоевал сердца студенток филфака, которые рискнули пригласить молодого преподавателя на филфаковский вечер. Вот так судьба привела Якова Юрьевича на «Ситцевый бал»...

После торжественной части и концерта наступил некоторый перерыв в ожидании танцев. Я со своим спутником стояла среди филфаковской публики, когда он поздоровался с проходившим мимо нас незнакомым молодым человеком, которого мне немедленно представил: «Знакомься, это Яша Никитин с мат-меха». Молодой человек быстро откланялся и ушёл. Начались танцы, и через какое-то время он снова появился возле нас. После короткого разговора он пригласил меня танцевать. Я не помню содержание этого первого разговора, но думаю, что это был обмен мнениями по поводу праздника. Танцевальный вечер был в разгаре, и неожиданно Яша снова пригласил меня на танец, за которым последовали и другие. В какой-то момент мой новый знакомый исчез, а когда вновь появился, он держал в руке один гиацинт бледно-фиолетового цвета. Он протянул его мне с улыбкой, и через несколько часов этот гиацинт уже стоял в моем доме...

Откуда он мог взять гиацинт? На протяжении 50 лет я задавала ему этот вопрос, но Яша загадочно улыбался и ни разу не признался мне, каким образом он стал обладателем этого цветка. Эту тайну я уже никогда не узнаю... Надо себе представить морозный день в начале марта, отдаленный район, да и просто отсутствие в те времена цветочных магазинов, где можно было бы запросто купить живые цветы... Кто-то из студенток подарил ему этот гиацинт на праздник 8 марта?! Выпросил ли он его у какого-нибудь знакомого? Всё представляется сомнительным. Но факт остается фактом: этот гиацинт оказался в моей руке! Был ли этот жест простым проявлением галантности, был ли это знак возникшей симпатии или дань обычной традиции дарить цветы девушкам в этот день, не знаю... Как бы то ни было, этот весенний душистый цветок обозначил начало долгого и счастливого пути, который мы прошли вместе.

Не знаю, как это получилось, но мы ушли с вечера уже вдвоем – Яша и я со своим спутником. Нам не пришло в голову воспользоваться транспортом, и мы отправились в путь пешком по заснеженному городу. От Косой линии Васильевского острова с разговорами мы дошли до Невы, потом до Невского. Около Казанского собора мой спутник, возможно, почувствовав, что как-то неожиданно он оказался третьим лишним, сел в автобус и уехал домой, а мы с Яшей отправились дальше к моему дому на Староневском. Сколько километров от Косой линии до угла Невского и Суворовского проспекта, я не знаю, но мы не заметили этой длинной дороги, потому что были увлечены разговором о самых разных вещах. Когда мы дошли до Суворовского, я уже полностью была покорена Яшиным обаянием, его потрясающими познаниями в разных областях, сходством наших взглядов и увлечений, так что, остановившись возле

моего дома на Невском, я расстроилась, потому что не понимала, что же делать дальше. Он, вероятно, из вежливости проводил меня, думала я, но как же мне увидеть его еще раз?

Случайно выяснилось, что Яша работает на филфаке в группе матлингвистов в 9 часов утра в пятницу. Именно в это время, в пятницу в 9 утра, меня попросили заменять заболевшую преподавательницу кафедры в течение довольно долгого времени! Перст судьбы? Оказалось даже, что мы находимся в одном коридоре «школы», и нас разделяют только три аудитории!

Так начались наши мартовские пятницы. Моя мама много лет спустя вспоминала, как я, вернувшись после университетского вечера 7 марта и едва раздевшись, громко воскликнула: «Мама! Ты не представляешь, с каким мальчиком я познакомилась!!!» Разве это не любовь с первого взгляда?

В первую же пятницу 14 марта после окончания первой пары, когда я вышла из аудитории, я увидела, что Яша ждет меня в коридоре. Мы вместе ушли с факультета, побродили по Стрелке... Это был яркий мартовский день, и я помню, как солнце играло искрами на еще белом снегу у Ростральной колонны. Я возвращалась тогда домой, а Яше нужно было ехать на мат-мех. В следующую пятницу, когда мы встретились в коридоре после первой утренней пары, у нас созрел конкретный план, словно мы перевернули следующую страницу нашей истории: в Ленинграде тогда открылась выставка картин Натана Альтмана, и было принято решение немедленно пойти в Дом Союза художников на ул. Герцена, 38. Я уже знала, что Яша – большой любитель и прекрасный знаток живописи, поэтому посещение долгожданной выставки Альтмана, где экспонировался знаменитый портрет Анны Ахматовой (впоследствии растиражированный до оскомины), представлялось логичным. Кстати, Яша очень любил поэзию Ахматовой и отдавал ей явное предпочтение перед творчеством Марины Цветаевой, с которой Ахматову любят сравнивать.

На следующий день Яша улетал в Калининград агитировать местных школьников поступать на мат-мех ЛГУ. Меня это особенно огорчило, потому что у меня как раз был день рождения, и я хотела собрать нескольких друзей на семейный праздник, рискнув пригласить и Яшу. Я не думала, что Яша может появиться у меня на следующий день, в субботу, ведь днем у него был самолет. Но в 9 часов утра неожиданно раздался звонок в дверь, на пороге стоял Яша с гвоздиками в руке... Сейчас это кажется банальным, но мои сверстники прекрасно помнят, что в 1969 году живые цветы в конце марта можно было купить только на хорошем рынке, и заплатить за них нужно было не так уж мало. Я невероятно смутилась: Яша всегда чуть опережал мои ожидания, и от этого наш роман казался мне сказочным.

Да так оно и было на самом деле! Это была романтика, приправленная иногда полудетскими играми. Например, я могла найти в почтовом ящике открытки от Яши, которые он мне оставлял, поскольку тогда у меня еще не было телефона – его сняли во время войны и долго не восстанавливали. Я получала от Яши на факультете записочки о встрече после занятий, иногда... на немецком языке, на тот случай, если филфаковский поклонник, не знавший немецкого языка, перехватит послание (!) Однажды в записочке значилось, что Яша будет ждать меня после занятий *am roten Palast*, а я должна была догадаться, что встреча состоится у Меншиковского дворца.

Все последующие месяцы мы ходили в театры, в кино, гуляли по городу, ездили за город. Сейчас мне кажется, что всю весну стояла прекрасная погода! В конце мая буйно цвела сирень, а на Марсовом поле в белые ночи в кустах сирени заливались и щелкали соловьи. И вот в августе совершенно неожиданно для меня прозвучал вопрос, поставивший восклицательный знак в нашей истории: «Танечка, может быть, Вы хотите стать моей женой?» (sic!) Мы были знакомы только пять месяцев! Конечно, я смутилась и попыталась отшутиться, но через минуту прозвучал следующий вопрос: «Танечка, так когда же мы с Вами пойдем в мэрию?» Всё стало просто и ясно, а «в мэрию» мы пошли подавать заявление в начале октября, вернувшись в город после картофелеуборочной страды¹.

Все наши друзья потом удивлялись, что мы так долго были на Вы. Это тоже была своего рода игра, которая, однако, не позволяла переходить какие-то границы.

¹ Те, чья студенческая жизнь пришлась на 60-е – 80-е годы прошлого века, прекрасно помнят, что сентябрь для студентов и некоторых молодых преподавателей ленинградских вузов был тогда месяцем ударного труда на полях совхозов Ленинградской и Псковской областей. Из студентов младших курсов формировались «трудовые отряды», во главе которых стояли руководители из среды аспирантов и преподавателей тех же факультетов. В сентябре 1969 года местом для наших подвигов были поля совхоза «Оредежский». Отряд филфаковцев, во главе которого были я и один мой коллега-преподаватель, расположился в деревне Жерядки, главной достопримечательностью которой была «миргородская» лужа, занимавшая при въезде в деревню несколько десятков квадратных метров. Мат-меховцы же, которыми руководили Яша Никитин и Валера Невзоров, занимали более престижную позицию в деревне Ям-Тесово, главной усадьбе совхоза. Между нашими деревнями было около 7 километров, если считать по прямой, но никакой регулярной транспортной связи между ними не было. Какие-то автобусы днем могли подбросить от одной деревни до другой, но главным средством сообщения были попутки, если посчастливится вдруг встретить их по дороге... После тяжелейшего совхозного дня, состоявшего для руководителей отрядов в бесконечной ходьбе по полям и попытках наладить работу, пуститься поздно вечером в путь в не ближнюю деревню и прошагать многие километры по раскисшей осенней грязи ради пары часов разговоров с невестой (а потом ночью возвращаться назад!), – поверьте мне, это значило совершить подвиг! Яша не один раз совершал его в том сентябре 1969 года... Валерий Борисович Невзоров стал первым мат-меховским свидетелем нашего романа на его предсвадебно-совхозном этапе, когда короткая встреча в деревне среди луж и пожухшей травы была для нас дорожкой «всех алмазов мира».

26 декабря 1969 года. ЗАГС Смольнинского района

Ночь с 31 декабря 1969 на 1 января 1970 года

Мы поженились 26 декабря 1969 года и отметили это важное для нас событие в новогоднюю ночь, собрав 36 гостей – друзей и родных – в роскошной квартире Яшиной семьи на Каменноостровском, 73–75

(известном доме с кариатидами). Так начался наш «длинный разговор», который длился пятьдесят с половиной лет и трагически оборвался 22 июня 2020 года... Нам очень нравилось определение счастливого брака, данное Андре Моруа: «Счастливый брак – это длинный разговор, который всегда кажется слишком коротким». Это про нас... В декабре 2019 года мы успели отметить «золотой» юбилей и попытались – не без успеха – собрать тех, кто был на нашей свадьбе 50 лет назад.

28 декабря 2019 года

Каждый год 7 марта Яша приносил домой букетик светло-фиолетовых гиацинтов в память о том «Ситцевом бале», который определил нашу судьбу. В начале марта 2020 года я увидела в магазине очень красивые ярко-розовые гиацинты и решила их купить, опередив Яшу. Они быстро завяли... Ох, не надо было этого делать...

* * *

Все, кто знакомился с Яковом Юрьевичем поближе, быстро узнавали, что он был эрудитом во всех гуманитарных сферах. Обладая блестящей памятью, он помнил наизусть десятки стихотворений, цитировал по памяти даже куски классической прозы. Обращение к поэзии и прозе было для него совершенно обыденным жестом, подкреплявшим какую-то мысль или суждение.

Яков Юрьевич любил классическую музыку, и в молодости мы очень часто ходили в Филармонию. «Старожилы» помнят, что в университет приходила Любовь Ароновна, представитель Филармонии, распространявшая билеты среди университетской публики, охотно покупавшей билеты на концерты. На филфаке она развешивала афиши рядом с актовым залом и восседала посреди коридора, раскланиваясь налево и направо, страстно убеждая всех сходить на тот или иной концерт. У нее охотно покупали билеты «с доставкой на дом», и благодаря этому ни один мало-мальски интересный концерт не оставался без внимания университетского люда. Мы с Яковом Юрьевичем ходили в Филармонию почти каждую неделю, потому что билеты в те далекие времена были доступны даже ассистентам (со степенью и без).

Поскольку я с детства очень любила балет, то мы нередко бывали в Мариинском театре на балетных спектаклях и на концертах всех иностранных гастролеров. Наши сверстники не станут отрицать, что в 70-е – 80-е годы составной частью нашей жизни были спектакли БДТ, на которые было трудно достать билеты, но все как-то справлялись с этим препятствием, и лучшие спектакли Товстоногова становились центром дискуссии во время встреч с друзьями.

Но всё-таки главной страстью Якова Юрьевича была, наверно, живопись. Его знание живописи, как русской, так и европейской, выходило далеко за рамки джентльменского набора петербургского интеллигента.

Мне хочется сделать небольшое отступление, прежде чем рассказать о пристрастиях и оценках Якова Юрьевича в области живописи. Будучи женой математика в течение более 50 лет, я много общалась с представителями этой науки, как лично, так и по телефону. Сейчас я могу с уверенностью утверждать, что настоящие математики, добившиеся высоких результатов в науке, – это, как правило, люди, обладающими глубокими познаниями в гуманитарных областях. Кафедра теории вероятностей и математической статистики тоже собрала в какой-то период своей истории людей ренессансного склада. Ильдар Абдуллович Ибрагимов, Учитель Якова Юрьевича в самом высоком смысле этого слова, – прекрасный знаток всего на свете, и в его разговорах с Яковом

Юрьевичем по телефону, особенно в последние годы, собеседники плавно переходили от математических тем в плоскость литературы, истории, философии. Познания Валентина Владимировича Петрова в области русской литературы и поэзии, живописи разных направлений были столь обширны, что он легко мог бы соперничать со специалистами в этих гуманитарных сферах. Порою он высказывал очень оригинальные и неожиданные суждения, заставлявшие по-новому взглянуть на известные вещи. Многолетние беседы с Валерием Борисовичем Невзоровым непременно включали в себя и балетную тему. В последнее десятилетие научная работа связывала Якова Юрьевича с Сашей Назаровым, и, насколько я могу судить, их разговоры представляли собой не только обмен математическими идеями, но и активное обсуждение животрепещущих вопросов русской и европейской культуры и истории. Сразу хочу попросить прощения у всех, кого я не упомянула в этом рассказе и кто читает сейчас эти записки...

СТРОГИЙ ДЯДЯ НА СТЕНЕ

Интерес и любовь к живописи сформировались у Якова Юрьевича еще в детстве. В семье собирали художественные открытки с репродукциями картин русских и зарубежных художников. Для них предназначался старинный секретер шведской модели, купленный в 1912 году, куда открытки укладывались в определенном порядке. В часы досуга и во время болезней дети в семье Никитиных рассматривали репродукции картин.

Яша Никитин, 1950/51 год

С портрета на стене на маленького Яшу смотрел строгий дядя, которым мама иногда пугала сына, если он был непослушен. Этот дядя представлял собой фрагмент портрета папы Иннокентия X кисти Веласкеса, выполненный в круге на медной основе неизвестным художником, вероятно, в XVIII веке. Эта картина вследствие разных жизненных обстоятельств попала в семью моего мужа от родственников выдающегося русского химика Александра Бутлерова.

Когда спустя много лет мы очутились в Риме, мы, конечно, отправились в палаццо Дориа-Памфили, чтобы увидеть оригинал, висевший в музейной части дворца. Папа Иннокентий X, в миру Джамбаттиста Памфили, слыл человеком злым и подозрительным, и эти черты папы прежде всего запечатлел Веласкес, создав лучший психологический портрет своего времени. Известно, что когда Иннокентий X увидел свой портрет, он воскликнул: «Торро вего!» (Слишком похож!). Мы долго стояли перед этим полотном, и Яков Юрьевич, качая головой, всё повторял: «Ох, недобрый дядя!»

Были дома и другие картины, написанные маслом. Одна из них, изображавшая осенний сад, принадлежала кисти Елены Андреевны Карзинкиной, ученицы Василия Поленова, жены писателя Н. Д. Телешова, в которую в конце своей жизни был влюблен Левитан. Самой заметной картиной был огромный морской пейзаж работы неизвестного автора.

Кроме того, стены обеих комнат украшали многочисленные акварели, выполненные перед войной Яшиным родным дядей, закончившим с золотой медалью факультет архитектуры в Академии художеств в июне 1941 года. В июле он ушёл добровольцем в ополчение и в первые же военные месяцы пропал без вести. Как мы узнали сравнительно недавно, Яков был убит под Ленинградом и захоронен в братской могиле. В честь него Яша получил свое имя. На протяжении многих лет 9 мая Яшина мама приходила в вестибюль Академии художеств и оставляла букет цветов у мраморной доски с именами художников, выбитыми золотыми буквами.

Среди фамилий этих людей, отдавших свою жизнь за Родину во время войны, есть и фамилия Яшиного дяди.

Еще одна страничка из семейного альбома: история цветной гравюры Михаила Шемякина, которая появилась в нашем доме в 1973 году. В далекие годы Яков Юрьевич, как и большинство молодых преподавателей, летом готовил абитуриентов к поступлению в университет, это были будущие студенты разных факультетов (но не мат-меха!). Одна из девушек поступала на биофак, и так как мы с Яковом Юрьевичем хорошо знали её родителей и по филфаку, и по мат-меху, отношение к способной девушке было особенно теплым. По окончании занятий мама абитуриентки неожиданно сделала Якову Юрьевичу подарок в виде цветной гравюры не известного нам в то время автора, купленной в «Лавке художника».

Гравюра долго лежала без рамки, словно ожидая своего часа. Однажды мы прочитали в каком-то издании, название которого стерлось из памяти, о судьбе ленинградского художника, вынужденного эмигрировать в Европу, а затем в США. Он был невероятно талантлив, но в СССР не мог получить признание из-за несоветской манеры письма и неактуальной тематики. Сейчас имя этого художника, в 60-е годы временного рабочего-такелажника в Эрмитаже, знает весь мир.

Так мы открыли для себя Михаила Шемякина и стали выискивать другие его работы и крошечные публикации о его творчестве, ибо шемякинская уникальная стилистика и узнаваемость выдавали в нем крупного мастера. Первая выставка шемякинских гравюр и офортов открылась в Музее Достоевского. Это была более чем скромная подборка работ из нескольких циклов художника, в том числе и из уже знакомого нам «Галантного века». Мы с волнением рассматривали эти чудесные картинки, раскрывавшие необыкновенную фантазию мастера. Потом вышел первый альбом работ Михаила Шемякина, который мы доставали с боем. Так творчество Шемякина вошло в нашу жизнь и осталось в ней навсегда. Мы не пропускали ни одной выставки, ни одного альбома с работами Шемякина. В семейном архиве хранятся две театральные программки с автографами Шемякина².

ГРОБНИЦА СЕНЕКИ

В начале 90-х годов стало возможным регулярное сотрудничество с учёными других стран, и Яков Юрьевич стал довольно много ездить за

2 Наша дочь Катя взяла у М. Шемякина первый автограф после премьеры «Щелкунчика» в Мариинском театре в декорациях художника, а второй – после одного памятного концерта в Филармонии, посвященного творчеству Сергея Слонимского и собравшего в зале немало знаковых фигур отечественной культуры. Так как Катя короткое время работала переводчиком в Филармоническом обществе Петербурга, то её начальство порекомендовало воспользоваться моментом и взять автографы у нескольких выдающихся деятелей искусства XX века. Так на одной программке оказались автографы М. Шемякина, С. Слонимского и М. Ростроповича.

границу для совместной работы, участия в конференциях, отдельных лекций. Перед нами открылись те музеи, куда он, конечно, всю жизнь стремился попасть. Это были Лувр и музей Орсэ в Париже, галерея Уффици во Флоренции, музеи Германии, а потом и множество других музеев в европейских странах. Мне хочется рассказать одну историю, которая дала заглавие этому рассказу.

В октябре 1997 года Яков Юрьевич работал в Риме, и мы с дочерью в течение двух недель могли позволить себе «римские каникулы» – на филфаке в этот момент была практика, носившая весьма формальный характер, так что наше отсутствие было санкционировано факультетом. Мы были в Риме только во второй раз, но уже тогда Рим представлялся нам средоточием художественных богатств. Нигде мы не чувствовали такую концентрацию прекрасного, которое, казалось, переполняло сам воздух в Риме.

В один из последних дней нашего с Катей римского отпуска мы отправились втроем на знаменитую Старую Аппиеву дорогу, до которой добирается не всякий турист. Действительно, без знания контекста пустынная дорога, выходящая в итоге в совсем сельскую местность, может показаться малоинтересной, но мы всегда отправлялись в путь, предварительно изучив «объект» и вооружившись путеводителями.

15 октября 1997 года. Аппиева дорога

Когда мы прошли знаменитую гробницу Чечилии Метеллы, мы поставили перед собой цель разыскать гробницу Сенеки, которая была обозначена на карте весьма приблизительно. Пройдя по Аппиевой дороге вперед, мы были слегка озадачены, ибо никаких опознавательных знаков на почти разрушенных гробницах не было. Их было несколько на этом отрезке пути, развалины были похожи друг на друга, и определить, какая из них стала местом упокоения римского философа и поэта, было затруднительно.

В этот момент мы заметили сидящую на одинокой скамье немолдую пару, которая держала в руках путеводитель по Аппиевой дороге (не такой, как у нас). Мы решились посоветоваться с ними, подозревая, что и они, вероятно, ищут могилу Сенеки. Яша обратился к чете туристов, естественно, по-английски. Да, они действительно искали могилу Сенеки и не понимали, которая из них «правильная». В коротком разговоре выяснилось, что они немцы из Мюнхена, бывают в Риме довольно часто.

Эта встреча была бы благополучна забыта, если бы мы не встретили этих немцев на следующий день. Яков Юрьевич уехал в университет, а мы с дочерью снова бродили по Риму, по любимым улицам и площадям, вошли в церковь Сант-Андреа делла Валле, где происходит первое действие оперы «Тоска», и по традиции направились к палаццо Фарнезе: именно в этом дворце происходит второе действие «Тоски»³.

Если пройти чуть левее палаццо Фарнезе, то непременно придешь к палаццо Спада с чудесным двориком, в который входишь через портик. И вот неожиданно среди колонн внутреннего дворика мы заметили силуэты наших вчерашних знакомцев. Они тоже увидели нас, бросились к нам с Катей с объятиями и торопливо сообщили, что буквально не спали ночь, оттого что не узнали наш адрес. «Это такая удача – встретить русских из Петербурга, которые в Риме ищут могилу Сенеки!!!» Тут же был записан номер нашего телефона в университетском общежитии на виа Номентана, а вечером раздался звонок, и мы получили приглашение на следующий день в ресторан “La porta del Colosseo”.

Наших немцев звали Ханс и Гитта Рис, причем Ханс имел прямое отношение к искусству – он был искусствоведом, а Гитта подвизалась в качестве редактора какого-то заумного философского журнала. Наша беседа в ресторане велась сразу на трех языках: английском, немецком и французском. За несколько часов мы узнали многое о семье Рисов, их пристрастиях в живописи и музыке, их путешествиях и любимых уголках Рима. Произошёл обмен адресами, тогда еще не электронными, и началась оживленная переписка. Впоследствии Ханс описал нашу первую встречу в Риме в рассказе «Гробница Сенеки», который был прочитан в мюнхенском кружке любителей литературы и разослан друзьям.

³ Сейчас там расположено посольство Франции.

Рим, ресторан "Porta del Colosseo". 17 октября 1997 года

К лету 1998 года было решено, что Ханс и Гитта приедут впервые в Россию, в Петербург. Якову Юрьевичу предстояло подготовить их визит, связавшись с искусствоведами Эрмитажа, Русского музея, Павловского дворца и Кунсткамеры. Так в жизни Якова Юрьевича открылась еще одна страница, связанная с живописью.

Э.П. Карпеев и Я.Ю. Никитин на крыше Кунсткамеры. Июнь 1998 года

Директором Кунсткамеры в ту пору был симпатичнейший Энгель Петрович Карпеев, увы, уже ушедший из жизни. Он отнесся с пониманием к стремлению любознательного немецкого искусствоведа увидеть знаменитый глобус из Готторпа, долгое время бывший самым большим глобусом в мире, уникальным по размерам и по конструкции. Он был одним из первых экспонатов Кунсткамеры, привезенным из Готторпского герцогства в 1713 году в качестве дипломатического подарка Петру I. В 1942 году немецкие войска вывезли глобус, хранившийся тогда в Пушкине (Царском селе), в Германию, где он находился до 1948 года. Э.П. Карпеев не только показал гостям глобус, но и пригласил их посмотреть на Петербург с высоты купола Кунсткамеры. Яков Юрье-

вич рассказывал потом, что вид с непривычного ракурса оказался просто фантастическим!

Ханс и Гитта Рис в гостях у нас на Невском. Лето 2000 года

Не могу сказать точно, какие именно полотна интересовали Ханса Риса в Русском музее, но встречу с заведующим отделом живописи XVIII – первой половины XIX века Григорием Наумовичем Голдовским Яков Юрьевич ему организовал. Я очень люблю и часто повторяю гениальную фразу из одного из лучших советских фильмов «Осенний марафон» Георгия Данелии: «Ленинград – город маленький!» Сейчас Григорий Наумович – маститый искусствовед, известный специалист в области русской живописи, но я с ним познакомилась за 31 год до описываемых событий, ибо мы с Гришей, будучи еще студентами, в один год появились в качестве экскурсоводов в Нижнем парке Петергофа. Впоследствии я стала встречать Григория Наумовича на троллейбусной остановке у нашего дома, и у меня есть подозрение, что после женитьбы он уже много лет живет в соседнем доме на Невском...

Самым лёгким делом было съездить в Павловск, для того чтобы не просто посетить дворец вместе с Рисами, но и увидеть несколько картин придворного художника Павла I, академика Императорской Академии художеств Франца Герхарда фон Кюгельгена. Он приехал из Германии сначала в Эстляндию, а потом в Санкт-Петербург, и был автором многих придворных портретов. Но прежде всего он стал личным живописцем Павла I и автором известного парадного портрета членов императорской семьи. Подозреваю, что вряд ли мы запомнили бы фамилию этого мастеровитого, но не слишком талантливого художника, если бы не

особый интерес к нему Ханса Риса. Павловский дворец мы очень хорошо знали, тем более что организовать встречу со специалистом по дворцовой живописи было совсем нетрудно: многолетним заместителем директора по науке, по зарубежным связям и т. д. Павловского дворца-музея была наша давнишняя знакомая Людмила Валентиновна Коваль, с которой я почти одновременно училась на филфаке. Кроме французского отделения филологического факультета, Людмила Валентиновна закончила Академию художеств и стала блестящим специалистом в сфере музееведения, знатоком эпохи Павла I и автором нескольких книг. Рисы быстро нашли с ней общий язык, и она лично показала нашим гостям дворец и интересовавшие их картины Кюгельгена.

Самым запоминающимся стал визит Ханса Риса к заведующему сектором немецкой живописи XIX–XX вв. Эрмитажа, который тоже подготовил Яков Юрьевич. В течение нескольких лет Ханс вспоминал свою первую встречу с Борисом Иосифовичем Асварищем, которого он быстро окрестил в честь одной из своих любимых опер «царем Борисом». Нельзя сказать, что в тот день Борис Иосифович очень радушно встретил немецкого искусствоведа. Он показал те картины немецких художников, которые прежде всего интересовали Ханса, сводил его в запасники, но при этом постоянно держался за голову и вспоминал какое-то вчерашнее праздничное мероприятие, из-за которого у него так болела голова.

Ханс был отчасти прав, называя Бориса Иосифовича царем Борисом,

«Царь Борис» с супругой и Ханс Рис. Берлин, октябрь 2012 года

потому что тот действительно обладает несколько демонической внешностью: высокий, с развевающимися черными волосами и грозным взглядом, устремленным куда-то поверх голов... Я часто вижу его на улице, потому что по иронии судьбы он живет через два дома от меня на Невском проспекте и, более того, непосредственно под квартирой, в которую я ходила почти 40 лет, ибо там жила тогда моя ближайшая подруга. Впоследствии Борис Иосифович не только подружился с Хансом и его женой, но и стал останавливаться в их доме под Мюнхеном всякий раз, когда приезжал с выставкой картин или на научные симпозиумы в Германию. Мы же с Яковом Юрьевичем стали раскланиваться с Борисом Иосифовичем и его женой, бывали у него дома, узнавали от него новости из жизни Эрмитажа и даже посодествовали как-то переводу на русский язык одного зубодробительного старинного искусствоведческого текста.

Ханс и Гитта Рис еще не раз приезжали в Петербург, а «царь Борис» стал обладателем многотомного (и многокилограммового!) труда Ханса Риса, посвященного анализу рисунков в весьма почитаемой в Германии книге-комиксе Вильгельма Буша о Максе и Морице.

Мы у входа в палаццо Спада. Рим, октябрь 2004 года⁴

Когда в следующем году Яков Юрьевич поехал в Германию для научной работы, в выходные дни он отправился в Мюнхен, где его поджидали Рисы. Можно легко догадаться, что Ханс сразу пошёл с Яшей в Старую пинакотеку, а затем и в Новую пинакотеку, чтобы сопроводить

⁴ Всякий раз, приезжая в Рим, мы, так же как и Ханс и Гитта Рисы, обязательно фотографировались у входа в палаццо Спада, где состоялось наше официальное знакомство. Эти фотографии мы непременно посылали друг другу как дружеский привет.

Яшины экскурсии в высшей степени интересными профессиональными комментариями. Как рассказывал потом Яков Юрьевич, Ханс учил его отличать известных художников по маленьким деталям, которые непременно находились на их полотнах, но никогда не попадали в поле зрения непрофессионалов. Эти совместные посещения знаменитых мюнхенских музеев, как мне кажется, расширили горизонты Яшиных и так немалых познаний в сфере живописи.

ИТАЛИЯ... ИТАЛИЯ

В каждой стране, в каждом городе, где оказывался Яша или мы с ним вдвоем, находился хотя бы один музей, в который обязательно нужно было сходить. Но были страны, где появлялись почти неограниченные возможности знакомиться с новыми и новыми картинами, знакомыми и неизвестными живописцами. Такой страной всегда была Италия. Если в крупных городах в других странах картины обычно собраны в одном-двух музеях, то в Италии, если не считать галереи Уффици во Флоренции и, пожалуй, музея Каподимонте в Неаполе, многие выдающиеся полотна надо отыскивать в церквях и частных музеях.

Далеко за примером ходить не надо: сколько надо обойти церквей в Риме, чтобы увидеть во всём великолепии творения Караваджо, которого Яков Юрьевич ставил выше многих итальянских художников! Назову Сан Луиджи деи Франчези, Санта Мария дель Пополо, Сант-Агостино. Конечно, Караваджо был еще хорошо представлен в небольшом по размеру музее на вилле Боргезе...

Это был самый любимый музей Якова Юрьевича! На сравнительно небольшой площади этого двухэтажного здания на холме Пинчо сконцентрировано такое количество шедевров, что всякий раз, приезжая в Рим, мы обязательно ходили туда полюбоваться и картинами, и скульптурами.

Среди итальянских скульпторов одним из любимых для Якова Юрьевича стал Бернини, с творчеством которого трудно познакомиться, не побывав в Риме. Именно там мы полюбили этого мастера барокко, и его «Похищение Прозерпины», «Аполлон и Дафна» и «Давид» в галерее Боргезе были не единственными скульптурами, которые запомнились навсегда. Чего только стоят «Экстаз св. Терезы» в церкви Санта Мария дела Виттория, фонтан Тритон на пьяцца Барберини и мощный фонтан Четырех Рек на пьяцца Навона!

Если вернуться к любимым художникам Якова Юрьевича, то стоит отправиться во Флоренцию в галерею Уффици, где можно в полной мере познакомиться «вживую» с творчеством Сандро Боттичелли. К сожалению, иногда приходится отмечать, что неожиданно возникшая любовь публики к тому или иному художнику приводит к замусоливанию любимых образов, к вульгаризации их творчества. Мне кажется, что Боттичел-

Пьяцца Навона. Рим, январь 2015 года

ли относится к тем авторам, картины которого стали слишком часто воспроизводиться неискушенными в живописи людьми на предметах, самой своей сутью противоречащих тонкому, трепетному искусству этого итальянского художника. К счастью, мы попали в галерею Уффици еще в конце XX века, когда встреча с мастерами итальянского Возрождения и барокко еще не могла быть испорчена растиражированными изображениями шедевров на всяких коробочках, зонтиках, шарфиках и т. д. Боттичелли явился нам во всей своей прелести и чистоте...

Должна признаться, что интерес к Боттичелли был еще отчасти продиктован одним семейным обстоятельством. Когда я была студенткой и еще не была знакома с Яковом Юрьевичем, один поклонник, имевший некоторое художественное образование, сказал мне, что моя внешность напоминает ему боттичеллиевских женщин. Яша знал об этом, и нам обоим хотелось проверить, и в шутку и всерьез, насколько справедливым было суждение этого давнего приятеля. Картины Боттичелли оказались действительно очень хороши в реальности, и мы к ним возвращались всякий раз, когда оказывались во Флоренции.

Сам воздух Италии, кажется, напоен прекрасным! К чему ни прикоснешься, везде тебя ждут открытия, еще и еще одна прекрасная страница итальянской истории, итальянских традиций, итальянского искусства. Оказавшись в Италии впервые, а потом регулярно возвращаясь в эту чудесную страну, Яков Юрьевич не мог пройти мимо церквей, как в больших городах, так и совсем маленьких.

Убранство итальянских церквей удивительно разнообразно. Всякий раз мы восхищались тонким вкусом и чувством стиля как известных мастеров, так и безвестных художников эпохи Возрождения и барокко. Помню, как мы были ошеломлены, потрясены, заворожены собором св. Петра в Риме, когда вошли в него впервые, кстати, без традиционной в наши дни очереди! Трудно описать чувства, которые мы испытали, увидев внутреннее убранство собора, бронзовый балдахин над могилой св. Петра – гениальное творение Бернини, скульптуры, изваянные замечательными мастерами, и чудо из чудес – Pietà Микеланджело! Если говорить обо мне, то я помню, что испытала какое-то легкое головокружение и ощущение творящегося на моих глазах чуда, особенно когда луч солнца, попавший внутрь собора через витраж над кафедрой, заиграл на позолоте колонн кивория.

Не помню случая, когда бы мы, приехав в Рим, не зашли в Санта Мария Маджоре, в Сан Луиджи деи Франчези, Санта Мария ин Арачели⁵, Санта Мария ин Трастевере – боюсь, что список будет слишком длинным!

Рим, сентябрь 2004 года. Яша очень любил подниматься на Капитолий

Яша очень любил собор в небольшом городе Орвьето – настоящее архитектурное чудо. Он так хорош, что не жалко потратить несколько часов, чтобы добраться на машине до городка и увидеть кружевной фасад этой церкви, где каждая колонна отличается своим лепным мотивом от следующей. Чудо может поджидать и в самом маленьком городке,

⁵ Одна из старейших церквей Рима, находится на вершине холма Капитолий. – Прим. ред.

например, в Лоди. Туда нас привезла сестра Якова Юрьевича, поскольку она знала, что брат сумеет оценить чуть наивное очарование незаметной церкви, вписавшейся в улицу недалеко от вокзала и называемой обычно «Инкороната» (Il Tempio Civico della Beata Vergine Incoronata), – это драгоценность, которую случайный турист скорее всего пропустит.

Преподавание в университете Неаполя подарило Якову Юрьевичу встречу еще с одним видом итальянского творчества – presepio, или presepe, «вертепами», итальянской национальной традицией изображения Рождества Христова. Именно Неаполь считается мировой столицей рождественских вертепов, а в национальном музее Сан-Мартино есть постоянно действующая выставка презепе. Ни один презепе не повторяет другой, фантазия итальянцев просто неисчерпаема! Позднее, оказываясь в Италии в рождественскую пору, мы не забывали подойти в каждой церкви к презепе и рассмотреть его композицию, а в крупных городах присоединялись к итальянцам, разглядывавшим мощные инсталляции-вертепы на площадях. Самое неожиданное впечатление произвело на нас presepio во Флоренции в начале января 2015 года, потому что перед знаменитым собором Санта Мария дель Фьоре был устроен «живой» вертеп, в создании которого принимали участие и люди, изображавшие Марию и Иосифа, и живые овцы, и очаровательный ослик!

«Живой» вертеп. Флоренция, январь 2015 года

Рассказывая о тяге Якова Юрьевича к итальянскому искусству, я не могу не упомянуть нашу общую влюбленность в атмосферу венецианских карнавалов, на которых нам удалось побывать трижды. Учебный год

2002/2003 мы провели всей семьей в Милане: Яков Юрьевич и Катя работали в университете Боккони, а я взяла «академический» отпуск. В Венеции мы бывали и раньше, но вот возможность прикоснуться в феврале к карнавальной стихии возникла впервые. Мы выехали из Милана рано утром, с тем чтобы к вечеру вернуться в Милан, поскольку мы не могли оставить в одиночестве на ночь нашу кошку, привезенную с собой из дома в Петербурге. Наша киса, храбро перенесшая четыре перелета в самолете, совершенно не выносила нашего отсутствия, очень нервничала, и так как наша дама была весьма немолода, мы не могли рисковать её душевным спокойствием. (Кстати сказать, Яков Юрьевич очень любил нашу Пусю и часто повторял: «Кошка – тоже человек!» Надо признаться, что в нашей семье Пуся была «человеком №1»).

Милан, январь 2003 года. Яша и кошка Пуся

Хорошо помню, что как только мы вышли из здания вокзала Санта-Лючия в Венеции, мы сразу попали в карнавальный вихрь, который закрутил нас на много часов. Первое наше ощущение – счастье, которое мы разделяем с тысячами людей... Не помню, сколько часов (sic!) мы шли в густой толпе до площади св. Марка. Узкие венецианские улочки были заполнены улыбающимися людьми, которые по дороге потихоньку преображались, словно опьяненные атмосферой этого уникального праздника: покупали разнообразные маски, головные уборы и другие атрибуты этого венецианского пиршества. Мы с Катей уже были в масках, на голове у Кати была потрясающая шляпа, которую сейчас наша внучка приспособливает на разные праздники, включая Хэллоуин, а Яков

Юрьевич всё еще выглядел профессором в строгом драповом пальто и шляпе (непременные атрибуты профессора в Италии). Нам с Катей наконец удалось уговорить его купить какую-нибудь маску, и вскоре рядом с нами шёл элегантный professore в маске... чёрного кота! По мере

Яков Юрьевич и Катя. Венеция, февраль 2003 года

приближения к Сан Марко возбуждение и радость толпы нарастали, поскольку всё чаще и чаще стали попадаться настоящие участники карнавала в невероятно красивых костюмах, некоторые из которых продумывались годами и стоили немалых денег. Одно дело – рассматривать красивые открытки и фотографии, сделанные во время венецианского карнавала, и

совсем другое – идти рядом с кавалерами и дамами, разглядывая их удивительные наряды и даже фотографируясь с ними, на что, как ни странно, участники карнавала охотно соглашались. Это чрезвычайно сильное, концентрированное чувство причастности к замечательному празднику осталось в нашей душе надолго. Мы стали смотреть по телевизору репортажи с карнавала, покупали себе и в подарок друзьям альбомы и календари с лучшими карнавальными костюмами, а Яков Юрьевич с удовольствием рассказывал впоследствии коллегам и приятелям о своих впечатлениях от настоящего венецианского карнавала.

Мы с Яковом Юрьевичем еще дважды смогли побывать в Венеции в начале февраля уже через несколько лет, но Европу тогда накрыл кризис, и венецианский карнавал резко потерял как массовость, так и свою неповторимую атмосферу сумасшедшего праздника, хотя настоящие завсегдатаи в сногшибательных костюмах продолжали чинно дефилировать по площади Сан-Марко...

О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...

В некоторых странах наша «художественная копилка» пополнялась годами, как, например, во Франции, в других же странах впечатления иногда обрушивались потоком. Так случилось в Голландии в 2015 году, где мы провели с Яковом Юрьевичем две недели по приглашению одной из его учениц со сказочным именем Алиса. Нам была предоставлена гостевая мансарда в домике в небольшом пригороде Амстердама – Димене, откуда было легко добраться до многих городов такой маленькой по российским меркам Голландии.

Алиса Кириченко и Яков Юрьевич. Димен, 2015 год

Конечно, прежде всего нам открыли свои двери музеи Амстердама – возможно, лучшее, что есть в этом городе, не считая каналов. Архитектура Амстердама удивила нас своей неоригинальностью и однообразием: выросшие в Петербурге и избалованные великолепной культурой зодчества с детства, повидавшие многие европейские города, славящиеся своей красотой, мы не ожидали, что Амстердам, этот город на воде, уступает всему виденному ранее именно в силу этой монотонности и скупости архитектурных решений. Но очарование амстердамских пейзажей с воздушными каналами в перспективе не могло, конечно, не сохраниться в нашей памяти. И всё-таки главное впечатление от Голландии – это сказочное богатство живописи в голландских музеях. Мы подсчитали потом, сколько музеев мы обошли в Голландии за эти две недели, оказалось – одиннадцать!

В самом Амстердаме стоит назвать в первую очередь музей Ван Гога, совершенно неожиданный по принципу организации музейного пространства. Яков Юрьевич, довольно консервативный по своим взглядам, высоко оценил, однако, структуру музея и современные принципы экспонирования знаменитых полотен Ван Гога. Это было одно из ярчайших впечатлений в Амстердаме! Замечу в скобках, что накануне вечером мы побывали в знаменитом зале Концертгебау, где слушали великолепного американского скрипача Джошуа Бэлла, и два ярких художественных впечатления, сложившись, словно удвоили силу своего воздействия.

А какое же посещение Голландии без встречи с Рембрандтом? Если дом-музей Рембрандта в Амстердаме оставил нас скорее равнодушными (там нет ни одной картины самого художника!), то знакомство с полотнами Рембрандта, в частности, с «Ночным дозором» в Рейксмюзеуме в Амстердаме, было по-настоящему счастливым. В огромном зале, центром которого является, конечно же, это грандиозное творение Рембрандта, много других полотен, известных нам с детства. Готовясь к основательному знакомству с «Ночным дозором» и оттягивая минуты удовольствия, мы спокойно обошли зал, прежде чем надолго застыть перед шедевром Рембрандта. Размеры картины и её многофигурность предполагают продолжительную остановку в зале, поэтому надо еще дождаться момента, чтобы занять удобную позицию. Не могу сказать, как долго мы вглядывались в лица капитана роты Франса Кока, лейтенанта Виллема ван Рёйтенбюрга и многочисленные фигуры стрелков, но грандиозность замысла и исполнения сохранилась в памяти.

Справедливости ради надо сказать, что Яков Юрьевич ничуть не менее, если не более, ценил тонкость трепетной палитры Яна Вермеера, в которого мы буквально влюбились задолго до поездки в Голландию и встречи с его самыми знаменитыми картинами. Та же «Молочница» в Рейксмюзеуме лишь подтвердила магию этого кудесника света, и перед незамысловатой сценой из повседневной жизни мы стояли едва ли не столько же, сколько возле шедевра Рембрандта.

С Вермеером связано одно воспоминание, которое у многих знакомых вызывало улыбку, когда мы рассказывали о наших впечатлениях от посещения Дрезденской галереи в 2009 году. Летом того года была конференция в Берлине, и мы с Яковом Юрьевичем ходили по музеям и историческим местам немецкой столицы. Однако мы выделили один день для поездки в Дрезден, главным образом для того, чтобы успеть сходить в Дрезденскую галерею. Я была там впервые, и от посещения галереи в старинном дворцовом комплексе Цвингер у меня остались самые радостные воспоминания. Но... готовясь к встрече прежде всего с «Сикстинской мадонной» Рафаэля, мы честно признались потом друг другу, что более сильное впечатление на нас обоих произвела сравнительно небольшая по размерам картина Вермеера «Девушка, читающая письмо у открытого окна»! Она сразу покорила наши сердца и заняла почётное место в художественных приоритетах.

У входа в Маурицхёйс. Гаага, 2015 год

и волнения при взгляде на эту невзрачную птичку, так трогательно изображенную в XVII веке очень молодым художником с трагической судьбой. Яков Юрьевич романа не читал и очень удивился, что я так внимательно рассматриваю «Щегла»...

Если вернуться в Голландию, то очередным шедевром Вермеера, который мы увидели, была знаменитая «Девушка с жемчужной сережкой» в замечательном музее Маурицхёйс в Гааге. Для любителей живописи этот музей – настоящая находка, ибо там почти нет «проходных» картин, это тщательно собранная коллекция живописи отменного качества. Рембрандт, Хальс, Стен... Хорошо помню, что я испытала детский восторг, обнаружив совсем близко от «Девушки с жемчужной сережкой» маленькую и скромную картину Фабрициуса «Щегол». Прочитавшие одноименный роман Донны Тарт в тот год, когда он буквально взял в плен весь читающий мир, поймут причину моего интереса

Среди голландских живописцев мой муж очень высоко ценил Франса Хальса, поэтому у нас не было сомнения, что надо съездить в город Хальса – Харлем, тем более, что от Димена до Харлема нужно ехать всего 20 минут на поезде. Харлем – город маленький, можно не спеша

осмотреть его, прежде чем войти в музей Хальса. У нас было достаточно времени для подробного осмотра всей экспозиции музея.

Портрет Я. Никитина кисти Ф. Хальса. Харлем, 2015 год

Должна признать, мы вышли из него немного разочарованными. Нет, мастерство Хальса-портретиста было неоспоримым, но ничего нового и неожиданного мы для себя не открыли. Обилие групповых портретов, выполненных на заказ, типа «Встреча офицеров роты св. Адриана в Харлеме», «Банкет офицеров стрелковой роты св. Георгия», «Групповой портрет регентов мужского дома для престарелых в Харлеме», подтвердили репутацию Хальса как выдающегося портретиста XVII века, но, если можно так выразиться, не дали нового импульса и желания погрузиться в его творчество.

Благодаря нашей замечательной хозяйке Алисе мы смогли очутиться в музее живописи, до которого нельзя добраться на поезде – туда все едут на машинах. Речь идет о чудесном музее Крёллер-Мюллер, который таил множество неведомых нам сокровищ! Во-первых, это вторая по величине коллекция полотен Ван Гога, и многие его шедевры находятся именно в этом музее. Даже в голову не приходило, что одна из самых знаменитых картин Ван Гога «Ночная терраса кафе» находится именно здесь! Во-вторых, в этой сокровищнице живописи собраны работы мастеров, которых не часто встретишь в знаменитейших музеях. Чего только стоят картины символиста Одилона Редона, пуантилистов Синьяка и Сёра...

Не разочаровал нас и музей Бойманса – ван Бёнингема в Роттердаме. Не каждый музей может похвастаться работами – и при этом вовсе не второго ряда! – Босха, Питера Брейгеля-старшего, Рубенса, ван Эйка, импрессионистов, сюрреалистов Дали и Магритта.

Расставаясь мысленно с Голландией, я не могу не признаться, что всё-таки одним из главных потрясений в этой стране стало для нас посещение дома Анны Франк в Амстердаме. Почему-то не поворачивается

Очередь к дому Анны Франк. Амстердам, 2015 год

язык сказать «дома-музея», ибо это застывший факт истории, о котором человечество не имеет права забывать. Мы отстояли в жаркий день всего два часа (обычно стояние в очереди растягивается часа на четыре), чтобы соприкоснуться с тем, от чего немедленно начинает что-то кровоточить в душе каждого цивилизованного человека, когда он пересекает порог этого душного жилища. Переходя из комнаты в комнату, поднимаясь и

спускаясь по узким лестницам, боишься громко вздохнуть, задеть локтем стену, словом, нарушить застывшую атмосферу уже далекого, но от этого не менее страшного прошлого... Когда в конце посещения видишь подлинные листки из знаменитого «Дневника» с текстом, который ты и так уже знаешь, слова приобретают вещественный смысл и воскрешают образ девочки, которая узнала в стенах этого дома и страх, и первую влюбленность, и надежду, и ужас... Как и все посетители, мы вышли из дома на набережной Принценграхт молча и только потом сказали друг другу, какой незабываемый след оставили в душе эти полтора часа погружения в живую историю.

Надо сказать, что наша музейная программа могла бы быть и менее насыщенной, если бы не неожиданная погода в Голландии. В течение нескольких дней шёл такой дождь, что даже представить себе сам выход из дома было проблематично... Два дня мы вынуждены были сидеть в нашей мансарде, а потом водная стихия стала определять наши маршруты... Так, неизвестно, дошли бы мы до музея Бойманса – ван Бёнингема, если бы не свирепая гроза, вынудившая нас немедленно скрыться под крышей.

Скверная погода определила и наши музейные пути в Мадриде, где мы провели неделю в самом начале 2014 года. Удивительно дождливые и холодные дни в первых числах января не дали нам возможности гулять по городу столько, сколько нам бы хотелось. Мы привыкли обходить пешком те города, где останавливались в наших поездках или куда приезжали специально. В Мадриде мы не смогли посмотреть в достаточной степени сам город, но мадридские музеи восполнили то, что мы не успели, возможно, оценить во время пеших прогулок. На следующий день после приезда мы отправились в музей Тиссена-Борнемисы, о котором много читали. Там нас ожидали шедевры, давно известные любителям живописи. Назову наугад «Св. Екатерину Александрийскую» Караваджо, «Портрет Томаса Кромвеля» и «Портрет короля Генриха VIII» Гольбейна-младшего, «Портрет Марианны Австрийской» Веласкеса, чудесный «Портрет Джованни Торнабуони» Гирландайо, «Святой Себастьян» всегда завораживающего и непредсказуемого Бронзино, которого Яков Юрьевич выделял из плеяды знаменитых итальянцев. Но были там работы некоторых художников, которых мы практически не знали. Например, несколько картин Эдварда Хоппера, самая пронзительная из которых – «Комната в отеле»: фигура полуобнаженной молодой женщины, сидящей на постели, передает трагедию души, растерянность, одиночество... или смутную надежду, что всё еще сложится в жизни? Очень любопытно было увидеть своими глазами картину Люсьена Фрейда «Отражение с двумя детьми», ведь о противоречивой личности этого высокооплачиваемого европейского художника, его скандальной славе и его творчестве мы имели весьма скудные представления.

Как ни странно, знаменитый теперь Национальный музей – Центр искусств королевы Софии – не произвел на нас большого впечатления. Когда мы дошли до зала, где экспонируется одна из самых знаменитых картин XX века – «Герника» Пабло Пикассо, мы столкнулись с внушительных размеров группой японских туристов в сопровождении экскурсовода. Японцы, встав плотной стеной, полностью закрыли картину, а гид рассказывал о ней столь подробно, что к тому моменту, когда в зале, наконец, стало просторней, у нас уже сложился свой образ из разрозненных кусочков полотна, которые мы видели из-за голов туристов. Ожидаемого чуда не произошло... Мы терпеливо обозрели картину целиком, так и не проникнувшись художественным воплощением темы, которая нам, родившимся вскоре после тех страшных реальных событий, была близка и понятна, ведь Гражданская война в Испании стала прологом ко Второй мировой...

Поскольку времени в Мадриде было не так много, а погода продолжала нас гнать в закрытые помещения, мы в тот же день отправились в Прадо и пробыли там до самого закрытия музея. Мы с волнением готовились увидеть одно из лучших собраний живописи, и на этот раз ожидания нас не обманули. Мы погрузились в атмосферу настоящего храма искусства, где выдающиеся работы не только испанских мастеров, но и знаменитейших итальянцев, фламандцев, голландцев, отчасти французов подолгу держали нас в каждом зале. Сейчас трудно пересказать все наши впечатления от увиденного в Прадо, во-первых, потому что кое-что изгладилось из памяти, а во-вторых, моментов искреннего восхищения было очень много...

Всегда влекущий к себе Босх представлен в Прадо такими шедеврами, как «Сад наслаждений» и «Поклонение волхвов», прозрачная чистота линий Рафаэля сразу узнаётся в «Портрете кардинала» и «Мадонне с рыбой», гениальный Альбрехт Дюрер, работами которого может похвалиться редкий музей, представлен одними из самых знаменитых полотен – диптихом «Адам и Ева» и небольшим «Автопортретом», написанным маслом. У каждой из этих картин мы провели немало счастливых минут.

Яков Юрьевич всегда очень любил эрмитажного Эль Греко, поэтому внимательно изучал всё то, что можно увидеть в богатейшей коллекции Прадо. Хорошо помню, как изумила нас «Дева Мария», изображенная Эль Греко без традиционной «лакировки» образа Святой Девы и несколько искусственного выражения смирения. У Эль Греко это просто очень молоденькая девушка, почти девочка, с необыкновенно чистым и ясным взглядом, которая доверчиво смотрит на зрителя и словно гадает, что вы знаете о её будущей судьбе...

Для нас обоих, особенно после поездки в Вену и посещения Kunsthistorisches museum, всегда было наслаждением рассматривать картины Питера Брейгеля-старшего. В Прадо хранится одна из его самых

мрачных работ – «Триумф смерти», возле которой стоишь долго... Здесь же экспонируются и работы сыновей – Питера Брейгеля-младшего и Яна Брейгеля-старшего.

Английская живопись не очень хорошо представлена в музеях континентальной Европы, поэтому Яша с удовольствием изучал картины, по большей части портреты, английских живописцев, к которым, по моему, испытывал тайную страсть. А в Прадо есть и Гейнсборо, и Ребёрн, и даже Альма-Тадема!

У памятника Веласкесу. Мадрид, 2014 год

Но всё-таки Прадо – это прежде всего сокровищница испанской живописи, и пройти мимо Веласкеса или Гойи просто невозможно. Конечно, Веласкес – великий испанский художник, и мощная коллекция его работ доставляет огромное удовольствие всякому, кто любит живопись. Мы с Яшей немного не сошлись в мнении относительно «Менин». Мне показалось, что главное в картине – ощущение пространства, и открытая дверь наверху справа подчеркивает воздушный объем, благодаря чему обычная дворцовая сценка с фрейлинами-«менинами» становится кусочком жизни. Яша скорее скептически отнесся к такой моей произвольной интерпретации картины, не увидев каких-то глубоко скрытых смыслов.

Зато в оценке Гойи мы были единодушны: насколько примитивным показался «Расстрел повстанцев», настолько точными и беспощадно-реалистичными были его портреты! Что касается «Махи обнаженной» и «Махи одетой», то тут мы тоже пришли к общему мнению: «Маха одетая» показалась нам более загадочной и маняще-соблазнительной, чем «Маха обнаженная»! Да простят нас любители Гойи!

Наконец, самое яркое впечатление от испанской живописи мы получили за пределами Мадрида – в старинной столице Испании Толедо, куда мы приехали на несколько часов. Сам город сразу взял нас в плен, заключив в свои могучие серые стены, до которых мы добирались пешком по длинной дороге вдоль Тахо под лучами неожиданно вышедшего солнца. Город произвел на нас большое впечатление своей средневековой атмосферой, какой-то суровой аурой, окутывающей улочки города. Толедский кафедральный собор впечатлил нас своим размахом, который

Кафедральный собор Толедо, деталь алтаря

складывался не только из-за его действительно больших размеров, но и плотности исторической ткани, из которой он был «сшит» внутри... Почему-то вспоминались строки из стихотворения Теофиля Готье «Кармен»:

*Les femmes disent qu'elle est laide,
Mais tous les hommes en sont fous:
Et l'archevêque de Tolède
Chante la messe à ses genoux.*

Урод – звучит о ней беседа,
Но все мужчины взяты в плен.
Архиепископ из Толедо
Пел мессу у её колен.

(пер. Н. Гумилёва).

И, наконец, мы дошли до церкви Санто Томе. Честно говоря, я плохо помню её внутреннее убранство, но то, что ждало нас при входе, было настоящим чудом, возле которого мы надолго застыли. Мы знали, что в этой церкви находится одно из лучших творений Эль Греко, но не представляли себе, что нас ожидает один из главных шедевров мировой живописи. Перед «Погребением графа Оргаса» стоишь в молчании, не в состоянии двинуться дальше... Скорбные лица людей, окружающих тело графа Оргаса, кажутся мертвенно бледными особенно по контрасту с темными одеяниями, причем каждое лицо выписано удивительно тщательно, ибо это были современники художника, который изобразил на этом полотне и себя, и своего сына-подростка. Событие начала XIV века, а именно похороны благочестивого графа Оргаса, мэра Толедо, волею живописца оказывается вписанным в современный ему контекст. Строгий ритм и выбор цветовой палитры нижнего «этажа» противопоставлен барочной «верхушке», где на разных небесных уровнях душу графа встречают сидящий Христос, ангелы и херувимы. Впечатление от этой сцены, будь она изображена любым другим художником Ренессанса, было бы, вероятно, совсем иным, но гений Эль Греко сотворил подлинный шедевр!

Иногда художественные впечатления Якова Юрьевича превалировали над общими воспоминаниями о какой-то стране. Одна из его последних зарубежных конференций проходила в Португалии, где он до тех пор не бывал. Когда он оттуда вернулся через несколько дней, мы ждали от него больше всего рассказов о столице, белом красавце Лиссабоне, о

котором я читала в какой-то французской книге и про который мы знали из рассказов друзей. Но Яша не был очарован Лиссабоном до такой степени, чтобы немедленно начать рассказывать нам про столицу Португалии. Почти сразу он признался нам, что самое яркое впечатление в Португалии на него произвел не сам Лиссабон и даже не Кабу-да-Рока, куда участников конференции привезли на экскурсию (это крайняя западная точка Европы на берегу океана), а собрание картин и скульптур Музея Галуста Гюльбенкяна! По мнению мужа, коллекция, собранная Гюльбенкяном, была исключительно богатой и свидетельствовала об отменном вкусе её владельца. У Яши появилась возможность познакомиться с теми эрмитажными работами, которые были проданы в 1930-м году, а раньше составляли часть богатых коллекций нашего музея: «Портрет старика» Рембрандта, «Портрет Елены Фоурман» Рубенса, «Портрет молодой женщины» Гирландайо... Все эти полотна принадлежат к первому ряду работ великих мастеров прошлого.

Иногда случалось так, что одна выдающаяся картина оставалась в памяти гораздо дольше, чем известный музей в целом. Приведу такой пример. Во Дворце изящных искусств в Лилле мы были дважды. В 2007 году мы с волнением вошли в роскошное здание в стиле Бель Эпок, предвкушая встречу с многочисленными произведениями искусства, представленными в этом крупнейшем во Франции после парижских музеев собрании живописи. Первое впечатление было таким: какие имена! какие картины! По прошествии некоторого времени мы с трудом вспоминали, какие именно полотна нам запомнились и полюбились. Через несколько лет, в 2010 году, мы снова пришли в этот музей, но наша прогулка по залам заняла уже гораздо меньше времени... Мы потом стали анализировать наши не очень восторженные впечатления и пришли к выводу, что в собрании прекрасных имен есть один изъян – каждый знаменитый художник представлен своими даже не второстепенными, а, если можно так выразиться, третьестепенными работами, и вот этот-то фактор и предопределяет слабое художественное воздействие всей экспозиции на любителей живописи.

А вот противоположная история. Летом 2017 года мы были в Польше и большую часть времени провели в Кракове. Это интересный город и не такой уж большой, чтобы не пройти его пешком вдоль и поперек. Конечно, мы не преминули зайти и в городские музеи, особенно в поисках прохлады – в то лето в Польше стояла страшная жара (когда температура не повышалась до 34-36 градусов, можно было считать, что день столь прохладен, что его нужно использовать для уличных прогулок).

Всем известно, что в Музее Чарторыйских надо непременно увидеть жемчужину мировой живописи – «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи

(«Портрет Чечилии Галлерани»). Но оказалось, что музей Чарторыйских закрыт на несколько лет на реставрацию! Тем не менее портрет работы Леонардо, конечно, экспонировался, но в другом музее. Молоденькая знатная итальянка, фаворитка миланского герцога Лодовико Сфорца, была хороша, и мы по достоинству оценили её прелесть.

Но мне хочется вспомнить совсем другой эпизод, который действительно запомнился нам обоим как «фирменный знак» Кракова. Кто бывал в этом старинном городе Польши, тот, конечно, помнит огромную центральную Рыночную площадь, где высится замечательный Марицкий костел и где второй доминантой служат двухэтажные Суконные ряды. На первом этаже идет бойкая торговля, а на втором этаже, до которого «редкая птица долетит», оказывается, экспонируется огромное полотно кисти Генриха Семирадского «Светочи христианства. Факелы Нерона». Вот возле нее мы провели, вероятно, не менее часа, тем более, что других посетителей, кроме нас, не было. Надо сказать, что Яков Юрьевич любил Семирадского, с детства любовался «Фриной на празднике Посейдона» в Русском музее. Так как художник провел много лет своей жизни в Риме, то там мы тоже искали его следы, а в один из приездов даже жили на длинной унылой улице Джолитти, где когда-то Семирадский снимал жилье.

Огромные размеры картины и многофигурная композиция (около ста персонажей!) «Факелов Нерона» не дают возможности сразу воспринять изображение. Только переходя взглядом от зрителей, участников

Краков. Надгробие Г. Семирадского в крипте Костёла На Скалке

«празднества», к висящим на столбах жертвам-мученикам, начинаешь понимать суть и ужас происходящего. Очень интересно было рассматривать выражение лиц тех людей, что сидели и стояли у Золотого дворца Нерона: кто-то пришёл из праздного любопытства, у кого-то происходящее вызывает даже злорадное чувство «так им и надо!», но кто-то из тех, кто фигурирует на первом плане, явно испытывает страх и отвращение к жестокости Нерона... Пожалуй, единственное чувство, которое мы не нашли на лицах собравшихся, – это сострадание... Фигуры мучеников (13 факелов по числу апостолов с Христом) переданы менее детально, но ощущение кошмара, происходившего в этот день в Древнем Риме, создается Семирадским удивительно мощно. По возвращении домой мы долго вспоминали это огромное полотно и рассказывали нашим близким об этой картине Семирадского, о существовании которой, если говорить честно, мы ранее не подозревали. По традиции, узнав о том, что Генрих Семирадский похоронен в Кракове, мы разыскали Костёл На Скалке и спустились в крипту, где, кроме Семирадского, похоронены другие выдающиеся деятели польской культуры, например, поэт и живописец Станислав Выспяньский и композитор Кароль Шимановский.

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

С трудом подступаю к теме парижских музеев, потому что в каждый из приездов в Париж мы непременно ходили то в Лувр, то в музей Орсэ, то в «Оранжери», то в Мармоттан, то на очередную выставку в Гран Пале или Пети Пале. Интересно, что наши мнения и оценки со временем иногда претерпевали заметные изменения.

Так получилось, что впервые я оказалась в Париже гораздо раньше, чем большинство моих сверстников – в 1968 году, и потом еще долго на меня показывали пальцем и повторяли слова В. Высоцкого: «Она была в Париже...». Я попала в группу студентов-стажеров, приглашенных на две недели на языковые курсы в Альянс Франсэз. Кого только не было в составе большой делегации – даже какой-то зав. клубом из Свердловска, который и русским-то языком не вполне владел! Но из нашего города в Париж отправилась группа преимущественно университетской молодежи, изучавшей французский язык. Пока другие «любители французского языка» гуляли по Парижу, мы ходили на занятия на бульвар Распай и жадно слушали и записывали всё, что рассказывали французские преподаватели.

Среди предложенных французской стороной культурных мероприятий было, разумеется, и посещение Лувра. Сейчас, конечно, я не помню подробностей этого первого визита в Лувр, остались только обрывочные воспоминания. Могу только с уверенностью сказать, что «Джоконда» тогда не была еще окружена плотной толпой, и никаких бархатных шнуров, ограждающих подход к шедевру Леонардо, не было. В моей

памяти сохранилось воспоминание о том, что ни одна репродукция не воспроизводит фона картины, таинственно-зеленоватого, который меняет восприятие лица Моны Лизы, делая его загадочным и далёким...

По прошествии многих-многих лет мы пришли в Лувр уже с Яшей. Для него это был уже второй визит, потому что годом ранее он приезжал в Париж для совместной работы по приглашению французских математиков. Тогда для нас Лувр был храмом искусства с таким непререкаемым авторитетом, что как-то критиковать отдельных художников или отдельные полотна в голову не приходило. Восхищение, удивление, восторг... Поскольку Яков Юрьевич всегда интересовался личностью Наполеона, читал массу воспоминаний о нем, покупал книги, связанные с наполеоновской эпохой, он надолго задержался в зале перед парадной картиной Жака-Луи Давида «Коронация императора Наполеона I и императрицы Жозефины», с восхищением и здоровой долей юмора обозревая все атрибуты этой церемонии в Нотр-Даме. Из французской живописи в Лувре его больше всего привлекали художники XVII–XVIII вв., причем тут вкусы Яши были довольно «прозрачными»: его радовал романтический Клод Лоррен, ему нравились куртуазные сценки Антуана Ватто, головки Грёза, глянцеваая безупречность Энгра... Пожалуй, особое место занимал Жорж де Латур, на большую выставку которого мы попали в 1998 году в Гран Пале. Игра света и тени, свеча, горящая на темном фоне, завораживали.

В Лувре. Март 2000 года

Но в Лувре всегда была возможность восхититься не только французами, но и любимыми итальянцами, фламандцами, голландцами. Тут и «Корабль дураков» Босха, и «Кружевница» Вермеера, и «Прекрасная садовница» Рафаэля, и замечательный мастер Кватроченто Андреа Мантенья (по мнению Якова Юрьевича, лучшая его работа – «Мертвый Христос» – выставлена в миланской галерее Брера). И поклон в сторону англичан – Рейнольдса, Гейнсборо, Лоуренса...

Непростые отношения сложились у нас обоих с представителями французского романтизма. Если наши встречи с ними в Лувре в XX веке проходили в «дружественной обстановке», то по прошествии лет, а особенно во время последнего свидания с ними в феврале 2020 года, мы стали скептически относиться к их творчеству. То, что казалось когда-то смелостью вкупе с творческим азартом, внезапно показалось фальшивым, надуманным и не слишком талантливым. Делакруа и Жерико, бывшие когда-то глашатаями всего нового в живописи, выглядели изрядно устаревшими... У нас одновременно появилась мысль, что эти давно не реставрировавшиеся картины являются лишь историческим свидетельством эпохи, но не актом творчества и явлением художественного гения. Но оговорюсь: это наше субъективное мнение, которое можно разделять или не разделять...

Париж, март 2000 года

Сейчас странно представить себе Париж без музея Орсэ и Центра Помпиду. Но когда я приехала в Париж в 1968 году, этих музеев не было и в помине, а живопись XX века была отчасти собрана в Музее современного искусства города Парижа, открытом в 1961 году в восточном крыле

Токийского дворца. Помню, что экспозиции музея произвели на меня ошеломляющее впечатление! Я увидела то, о чем слышала только краем уха, даже не представляя себе, что такое современное искусство! Тогда в этом павильоне были и Шагал, который покорила меня своим фантастическим миром с парящими влюбленными, и непонятный Жорж Брак, и такой разный Пикассо...

Когда я вспоминаю свое первое знакомство с современным искусством, на память приходит смешной эпизод в гардеробе музея. В тот летний день была дождливая погода, и у меня в руках был голубой прозрачный нейлоновый мешок (писк тогдашней моды! Сейчас с такими уже не ходят даже бомжи...), в котором лежал свернутый клеёнчатый плащ желтого цвета. Этот мешок я оставила в гардеробе, а при выходе из музея, переполненная впечатлениями, никак не могла вспомнить, что у меня было желтым, а что голубым. Насмешливый, но любезный французский гардеробщик сказал мне, улыбнувшись: «О, я понимаю, мадемуазель, что после осмотра экспозиции нашего музея вам хочется попросить “нечто желтое в голубом или нечто голубое в желтом!”»

Когда речь заходит о более близком к нашему времени искусстве в музеях Парижа, то очевидно, что сейчас любой поклонник современной живописи пойдет прежде всего в Центр Помпиду и в музей Орсэ. В 1993 году музей Орсэ уже 7 лет как был открыт, так что неудивительно, что мы с Яковом Юрьевичем направились туда в один из первых же дней. Первое впечатление – это пещера Али-Бабы! Но пещера таких размеров, что спокойно обозреть её сокровища за один день невозможно. Поэтому к концу дня мы вышли из музея в прямом смысле на полусогнутых ногах и с надеждой вернуться сюда еще и еще раз. Эти встречи с искусством в музее Орсэ случились еще несколько раз, но мы приходили сюда уже с более четкими планами, стараясь не задерживаться в каждом зале, а застревали скорее у картин любимых художников или досматривали то, что почему-то ускользнуло от нашего внимания в прошлый раз.

Если говорить о вкусах Яши в области французской живописи эпохи импрессионизма и постимпрессионизма, то стоит сказать, что эти вкусы оставались почти неизменными: волшебный Клод Моне, чуть менее любимый Эдуард Мане, конечно, неистовый Ван Гог и чарующий Дега... Всегда манящий Ренуар, безжалостный и точный Тулуз-Лотрек, такой парижский Писарро, порывистый Сислей, пуантилисты Сёра и Синьяк, с которыми мы по-настоящему познакомились только в музее Крёллер-Мюллер, Морис Дени... Поль Сезанн – с большими оговорками⁶.

6 Когда-то Ханс Рис, анализируя и интерпретируя живопись Поля Сезанна, пытался убедить Якова Юрьевича в гениальности последнего, находя в его живописи те редкие качества, которые не видны рядовому любителю живописи. Но я не уверена, что Хансу в должной мере удалось «влюбить» Яшу в искусство этого мэтра постимпрессионизма.

В одну из последних коротких поездок в Париж муж попал на выставку работ Мари Лорансен, открывшуюся тогда в музее Оранжери. По возвращении он с удовольствием рассказывал об увиденном, ибо воздушный почерк и легко узнаваемый стиль художницы его пленили.

Особой любовью пользовался в нашей семье Марк Шагал. В домашней библиотеке очень рано появились альбомы репродукций его картин, изданные за рубежом, а потом и у нас. Конечно, в Орсэ все картины Шагала мы знали наперечет, а выставки этого художника не пропускались ни в коем случае, если на них можно было попасть. Одна из грандиозных выставок Шагала, если мне не изменяет память, проходила в 2007 году в Риме в музейном комплексе Витториано, и именно в этот момент Яков Юрьевич, к счастью, приехал прочитать несколько лекций в университете La Sapienza. Выставка была грандиозной, и он был счастлив, что ему удалось её посетить.

Боюсь что-то упустить, рассказывая об увлечениях мужа в области живописи конца XIX – первой половины XX вв. Помимо творений знаменитых художников, нам иногда хотелось увидеть что-то из того, что каким-то образом касалось нас лично. Расскажу такую историю. В моей жизни огромную роль сыграла Елена Николаевна Башкирцева, благодаря которой я полюбила французский язык и с её легкой руки стала филологом-романистом. Яша тоже обожал Елену Николаевну, считал её совершенно необыкновенной женщиной. В последние годы её жизни, когда она уже не хотела, чтобы я видела её сильно постаревшей и беспомощной, Яков Юрьевич привозил в день её рождения букет цветов и передавал его в дверь. Дочь Елены Николаевны, профессор Консерватории, в последние годы стала моим частым собеседником.

Фамилия Башкирцевых давно была мне знакома по литературным источникам. Юная художница Мария Башкирцева, к семье которой имела непосредственное отношение Елена Николаевна, прославилась своим «Дневником» и перепиской с Ги де Мопассаном в 80-е годы XIX века. Девушка была больна чахоткой, которая свела её в могилу в возрасте 24 лет. Уроженка Полтавской губернии, она провела часть своей жизни в Париже, где училась живописи у известного художника Бастьена-Лепаж. Мария Башкирцева была известна в парижских художественных кругах, а после смерти стала еще более популярной благодаря своему «Дневнику», опубликованному на французском языке, а затем переведенному на многие другие, включая русский. Мопассан, узнав о смерти молодой художницы, якобы сказал: «Это была единственная Роза в моей жизни, чей путь я усыпал бы розами, зная, что он будет так ярок и так короток!»

Увы, художественное наследие Марии Башкирцевой почти не сохранилось! Её мать вывезла большинство картин в Россию и отдала их в музей Александра III (ныне Русский музей) в Петербурге, откуда они были

Париж, кладбище Пасси. У часовни-мавзолея Марии Башкирцевой. Январь 1998 года переданы в Харьковскую картинную галерею. К сожалению, во время эвакуации галереи осенью 1941 года 66 полотен кисти этой ныне забытой русской парижанки пропали. Вот почему нам так хотелось увидеть в музее Орсэ одну из редких работ этой художницы – «Совещание», на которой очень выразительно изображена стайка уличных мальчишек, обсуждающих что-то возле дощатого забора на улочке провинциального городка.

Находясь в Париже, мы постоянно ощущали эту тесную связь русской культуры с Францией. Как много французов, русских по происхождению, обогатили мировую сокровищницу искусства... И как много выдающихся русских, прославивших нашу родину, нашли свой последний приют во Франции! В наш первый совместный приезд в Париж в 1993 году мы даже не мечтали попасть на кладбище Сент-Женевьев де Буа, о котором кое-что знали, но которое еще не стало местом паломничества для многих русских, приезжающих в столицу Франции. Будучи в гостях у замечательного математика Жана Брётаньоля и его очаровательной жены Жаклин, мы упомянули в разговоре кладбище Сент-Женевьев де Буа, о местонахождении которого не имели представления.

В гостях у Брётаньолей. Январь 1996 года

И вдруг Жан, видя наш неподдельный интерес к этому местечку под Парижем, которое у французов не вызывало никаких ассоциаций, сказал: «Вы знаете, кажется, Сент-Женевьев де Буа находится совсем недалеко от Парижа, и после обеда мы можем туда съездить на машине!» Это было невероятное везение!

Надо сказать, что путь в Сент-Женевьев де Буа был извилист: профессор неоднократно вытаскивал карту, чтобы не пропустить нужные повороты на пути к этому малоизвестному городку. Был сырой и холодный ноябрьский день, поэтому мы не могли злоупотребить любезностью наших хозяев и застрять надолго в этом уголке французской земли, которая приняла прах наших великих соотечественников. Мы могли бы провести там не один час! Ну, а в тех условиях нам пришлось ограничиться примерно 50 минутами... Наши французские друзья зябко кутались в пла-

щи и, возможно, не понимали, почему мы в огромном волнении перебежали от могилы к могиле, фотографировали надгробия и торопливо записывали фамилии на бумажные листки... Тогда при входе на кладбище еще не выдавали за небольшое пожертвование планы с расположением могил великих русских политиков, воинов, писателей, музыкантов, мыслителей... Увидев, как мы дружно всплеснули руками возле одной из могил, Жан поинтересовался, кто там похоронен, и предложил нам сделать фотографию возле этого дорогого нашему сердцу места. Это была могила Ивана Алексеевича Бунина...

У могилы И.А. Бунина. Сент-Женевьев де Буа, ноябрь 1993 года

В последующие годы мы еще дважды приезжали в Сент-Женевьев де Буа и неторопливо, с планом в руках, совершали ритуальный обход кладбища.

Всякий раз, приезжая в Париж, мы заранее интересовались выставками, которых в этом городе всегда бывает много, причем на разные вкусы. Самое интересное обычно выставляется в Гран и Пети Пале. Сейчас уже трудно вспомнить, сколько очередей мы отстояли, чтобы попасть на ту или иную экспозицию! В последний приезд в Париж в 2020 году мы наметили заранее посещение двух выставок. Самая важная и интересная для нас была открыта в Гран Пале – это была выставка нашего любимого Эль Греко. Несмотря на дождь, который не прекращался в Париже почти неделю, мы стояли в очереди в течение часа с лишним, весело обмениваясь комментариями о погоде с такими же, как мы, бедолага-

Афиша выставки Эль Греко перед Гран Пале

ми – поклонниками Эль Греко. Выставка была прекрасной! Яков Юрьевич испытал тогда истинное наслаждение от работ художника, которого полюбил еще в юности, отчасти благодаря эрмитажному полотну «Апостолы Петр и Павел», которое всегда останавливает взгляд равнодушного посетителя музея. В Гран Пале были представлены картины, впервые привезенные на масштабную выставку в Париже, в частности, монументальные полотна из Чикагского института искусств, из Метрополитен-музея, а кроме того, один из главных шедевров Эль Греко – «Pietà», которая находится в частной коллекции и обычно не выставляется для зрителей.

У Эйфелевой башни, декабрь 1993 года ...

и на ее верхушке, февраль 2020 года

Небольшим, но приятным дополнением к этой грандиозной выставке был осмотр скромной экспозиции в Люксембургском дворце, где были собраны работы английских мастеров XVIII века под названием «Золотой век английской живописи». Я уже упоминала, что Яков Юрьевич с большим любопытством относился к английским художникам, и такая неожиданная возможность увидеть работы Рейнольдса, Гейнсборо, Лоуренса, а также У. Хогарта и У. Бичи, была очень кстати. От этой небольшой выставки осталось теплое воспоминание.

Париж, площадь Вогезов, 8 февраля 2020 года.
Это наша последняя фотография вдвоем...

Та поездка в Париж, которую мы сами подарили себе на 50-летие со дня свадьбы, оказалась для нас последней и довольно печальной: балет «Жизель» с *этулями* Гранд Опера, билеты на который нам подарили Катя с мужем, был неожиданно отменен из-за забастовок, в Париже постоянно шёл дождь, и мы почти сразу заболели оба, так что ходили под серым парижским небом совершенно без сил, словно чувствуя, что это прощание не только с французской столицей, но и со многим другим.

И всё-таки мы еще раз оказались на замечательной художественной выставке, но уже в Петербурге, буквально за несколько дней до официального введения карантина по коронавирусу. Это была памятная всем огромная выставка картин великого художника Ильи Ефимовича Репина. Как

мне кажется, оценка наследия Репина эволюционировала: от непререкаемого авторитета художника, считавшегося негласно первым среди великих живописцев России, до репутации художника талантливого, но не дотягивающего до мировых образцов. По нашему общему с Яшей мнению, последняя выставка в 2019–2020 гг. убедила всех, что Репин, несомненно, должен занимать почетное место в сонме лучших живописцев мира.

Тема художественных выставок, которые посетили мы вдвоем или на которых Яков Юрьевич побывал один в других странах, могла бы быть бесконечной, потому что за полвека нашей семейной жизни таких выставок было действительно очень много. Ограничусь еще одним ярким воспоминанием. Сейчас уже мало кто помнит выставку в Эрмитаже произведений искусства из коллекции Арманда Хаммера в 1972 году. Не буду касаться личности владельца всех этих богатств и его *облика морале*, потому что хочу вспомнить только о разнообразии имен и качестве работ, представленных на той выставке. Прежде всего, поражал воображение временной диапазон, который охватывал, наверно, не меньше пяти или шести столетий живописи. По прошествии многих лет в памяти остался чудесный рисунок Альбрехта Дюрера – нежный весенний цветок желтого цвета, такой трогательный и безыскусный. Тогда мы увидели впервые две роскошные картины Гюстава Моро из цикла «Саломея, танцующая перед царем Иродом» (и это воспоминание привело нас много лет спустя в музей-квартиру Гюстава Моро в Париже), ряд блестящих работ Оноре Домье, знаменитую «Лечебницу в Сен-Реми» Ван Гога. Многие имена, прежде всего американских художников, были нам просто неизвестны. Эта выставка послужила, возможно, импульсом к посещению многих-многих музеев, к более полному знакомству с необъятным миром прекрасного, созданного кистью мастеров...

Вспоминая эти разрозненные эпизоды, я сейчас вижу, как все они встраиваются как какие-то ориентиры, реперные точки, в нашу долгую счастливую жизнь вместе. Закольцовывают этот полувековой путь две выставки – Натана Альтмана, на которую мы пошли в третью нашу встречу через две недели после знакомства, и выставка Репина, наш последний выход вместе в марте 2020 года.